

— Почему так, Валентин Иосифович? С духом собирались?

— Да, я обдумывал. Я понял, что замахнулся на что-то слишком мощное, что с этим человеком так просто шутить нельзя... При этом в моей жизни еще сохранились какие-то остатки прошлого. Я не был свободен от семейных уз, хотя все уже кончалось, и, по сути, я сам себя освободил. Но я очень боялся перемен, все время сравнивал и думал: «Что же мне делать?»

— Что вас окончательно убедило решиться на кардинальные перемены?

— Когда мы с Олей уже стали встречаться и я попал к ней домой, я увидел —

извини, Оля, что я это рассказываю, — очень бедную семью, жуткую квартиру, двух прекрасных детей: Мише тогда было 9 лет, Оле — 17...

О. М.: Да не бедные мы совсем были. Просто жили трудно.

В. И. (с нажимом): Это была бедность — крошечные комнаты, мебель тридцатилетней давности, на столе — селедка, картошка, колбаса. Но для меня все это не имело никакого значения. Поразило больше всего то, что в этом доме нельзя было ни секунду соврать — ни себе, ни другим. Меня покорила — скажу банальное слово — чистота людей. Не представлял, что такое еще бывает.

— Вы это уловили на уровне интуиции?

— А это было во всем, в каждом движении. Я был поражен и восхищен тем, что известная на всю страну артистка оказалась Божьим человеком, ничем не испорченным, естественным, без всяких штампов. Все было просто и прямо. Наблюдая за этим, постепенно и я стал становиться лучше. Мне не приходилось напрягаться, что-то из себя изображать, фальшивить, а надо было просто оставаться самим собой. И я ощутил счастье.

— Но как вам удалось убедить Ольгу Михайловну? Ведь она, предпочитая с мужчинами дружить, не была готова к вашим чувствам.

— Я, как полагается, со страшной силой стал ухаживать за ней. Среди прочих способов я опустошал супермаркеты (они тогда только появились), старался купить им в дом какие-то вкусные и необычные вещи. Я зарабатывал больше, чем Оля, и мне очень хотелось что-нибудь хорошее для них сделать, чтобы они поверили, что я по-настоящему влюбился в их семью. Мне хотелось для них сделать все возможное и невозможное. Я и сейчас этого хочу.

О. М.: Кстати, первая наша ссора произошла в супермаркете. Валя привел меня туда и говорит: «Ну, выбирай, бери что хочешь!» Я смутилась и растерялась. Для меня это были немыслимые цены, а тратить его деньги я считала непозволительным. Он стал возмущаться, я тоже... Но как-то раз, уже спустя долгое время, я решила: «Ну ладно, сейчас я тебя разорю!» И когда в магазине Валя, как всегда, предложил мне что-то выбрать, я сказала: «Хочу это.. это.. это... и так далее...» Пока наконец он в ужасе не воскликнул: «Остановись, у меня денег не хватит!» Я была очень довольна.

— Вы полюбили друг друга уже в зрелом возрасте. Жизненный опыт помогает вам строить отношения? Вы стали мудрее, чем в юности?

В. И.: При чем тут возраст? Я не чувствую себя стариком.

О. М.: Когда мне было лет 35, я думала: «Как бы прожить так, чтобы не состариться? Не внешне, а внутренне. Чтобы не перестать удивляться, восхищаться, чтобы не превратиться в такую правильную всезнающую монстрику». Так вот сейчас я умом понимаю, что мне уже немало лет, но я их не чувствую. И счастлива оттого, что ничего-то я, оказывается, в жизни не знаю. Разумеется, какой-то маленький опыт есть, но это просто крохи. Вот интуиция, пожалуй, с возрастом развилась. А никакой мудрости и зрелости мы с Валею